

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-3-97-109

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «ТОСКА» В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Желтова Н. Ю.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов,

Российская Федерация

e-mail: nata_zheltova@mail.ru

Поступила в редакцию 18.02.2025

Принята к публикации 27.02.2025

Аннотация

Цель. Анализ художественной репрезентации русского национального концепта «тоска» в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон».

Процедура и методы. Ключевым методом в исследовании стал концептуально-культурологический подход. С его помощью проведён анализ национально-специфического образа мира в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон». Используются также историко-литературный, структурно-поэтический, сравнительно-типологический методы анализа.

Результаты. В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» русский концепт «тоска» является важнейшей доминантой авторского сознания и отражает преимущественно народные представления об этой эмоции. Он образует обширное аксиологическое и образно-мотивное поле, в котором находят реализацию многочисленные смыслы константы. Носителями тоски в романе преимущественно являются женские персонажи и Григорий Мелехов.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в прояснении механизмов художественной репрезентации русского концепта «тоска» на примере масштабного жанрового образования – романа-эпопеи.

Ключевые слова: культурный концепт, М. А. Шолохов, русская литература XX века, русский характер, тоска, художественная репрезентация

Для цитирования:

Желтова Н. Ю. Русский национальный концепт «тоска» в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 97–109. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-97-109>.

Original research article

RUSSIAN NATIONAL CONCEPT OF “LONGING” IN THE EPIC NOVEL BY M. SHOLOKHOV “AND QUIET FLOWS THE DON”

N. Zheltova

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation

e-mail: nata_zheltova@mail.ru

Received by the editorial office 18.02.2025

Accepted for publication 27.02.2025

Abstract

Aim. To analyze the ways of artistic representation of the Russian national concept of "longing" in the epic novel by Mikhail Sholokhov "Tikhii Don" ("And Quiet Flows the Don").

Methodology. The key method in the study was the conceptual-cultural approach. With its help, the analysis of the national-specific image of the world in the epic novel by Mikhail Sholokhov "And Quiet Flows the Don" was carried out, the most important dominant of the author's consciousness – the Russian concept of "longing" – was determined. The historical-literary, structural-poetic, poetic-typological methods of analysis were also used.

Results. In Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don", the Russian concept of "longing" is the most important dominant of the author's consciousness and reflects mainly national perception of this emotional experience. It forms an extensive axiological and figurative-motivational field in which numerous meanings of the constant are realized. The bearers of longing in the novel are mainly female characters and Grigory Melekhov.

Research implications. The theoretical significance lies in clarifying the mechanisms of artistic representation of the Russian concept of "longing" using the example of a large-scale genre formation – the epic novel.

Keywords: cultural concept, Mikhail Sholokhov, Russian literature of the XX century, Russian character, longing, artistic representation

For citation:

Zheltova, N. Yu. (2025). Russian National Concept of "Longing" in the Epic Novel by M. Sholokhov "And Quiet Flows The Don". In: *Russian Studies in Philology*, 3, pp. 97–109. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-97-109>.

Введение

Исследование концептосферы шолоховской прозы активно продолжается на протяжении последних десятилетий и осуществляется в основном представителями лингвистической науки. Они рассматривали репрезентации характерных для творчества писателей концептов «любовь» [1], «время» [2], «родина» [3], «дом» [4], «судьба» [5], религиозные концепты [6] и другие. Работы литературоведов, осуществленные в ракурсе концептуально-культурологического метода к произведениям Шолохова, единичны [7; 8]. Между тем такой подход, предполагающий использование культурных концептов для выявления специфики как национального, так и индивидуально-авторского мировидения писателя, представляется весьма продуктивным. Поскольку многомерная структура концепта, содержащая наряду с другими и образный компонент, позволяет литературоведу зафиксировать способы и формы его существования в художественном произведении на структурно-поэтическом, идейно-тематическом, философско-эстетическом уровнях.

Концепт «тоска» относят к базовым константам русской культуры. Например, польский лингвист А. Вежбицкая в результате исследований семантических универсалий и базисных концептов разных культур мира пришла к выводу о том, что наряду с концептами «судьба» и «воля» «тоска» является одним из ярких выразителей русского образа мира и характера [9]. Отечественные исследователи также относят концепт «тоска» к национально маркированным и рассматривают его в группе эмоциональных концептов [см., например, 10; 11], включающих в себя, помимо понятия «образ, культурную ценность и функционально замещающие человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле) мира, вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [10, с. 47], в семантическом поле которых главным процессом является переживание [12, с. 61].

Необходимо отметить, что слово «тоска» демонстрирует удивительную устойчивость в своём лексическом значении. Уже в словаре В. И. Даля отмечена его принадлежность к духовно-эмоциональной сфере: «Тоска (теснить) – стесне-

ние духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь».¹ И в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» 2003 г. Е. В. Урысон также рассматривает тоску в философско-эмоциональном ключе и в одном синонимическом ряду со словами «грусть» и «печаль», считая её самым тяжёлым состоянием из трёх представленных: «Неприятное чувство, какое бывает, когда нет того, что человек хочет, и когда он думает, что желаемое невозможно».²

В этом ключе выдержано известное высказывание о тоске Н. Н. Бердяева, который также осмысливал тоску через эмоционально-чувственные категории, но придавал ей трансцендентные смыслы: «Тоска направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты этого мира. Тоска обращена к трансцендентному, вместе с тем она означает неслиянность, бездну между мной и трансцендентным. Она говорит об одиночестве перед лицом трансцендентного. Тоска может пробуждать богосознание, но она есть также переживание богооставленности».³ Это соединение эмоционального и философского начал в исследовании феномена тоски присуще и многим русским писателям [см., например, 13]. Например, В. В. Набоков называл «тоску» в числе трёх любимых слов А. С. Пушкина и давал такое определение: «Тоска» – обобщённый термин для определения чувства физической или метафизической неудовлетворённости, томления, тупой боли, саднящего отчаяния, грызущих душу мечтаний».⁴ Ещё раньше А. А. Блок в статье «Безвременье» (1906) отмечал неразрывную связь русской жизни с тоской и бесконечным пространством: «Вот русская действительность –

всюду, куда ни оглянешься, – даль, синева и щемящая тоска неисполнимых желаний».⁵

Необходимо заметить, что Шолохов как национально ориентированный художник практически во всех своих произведениях и использует слово «тоска», и многогранно художественно репрезентирует русский концепт «тоска», что свидетельствует о его глубоком проникновении в фундаментальные основы национальной аксиологии. К сожалению, на сегодня этот важнейший аспект шолоховского наследия остаётся практически не изученным, несмотря на то что шолоховеды в последнее десятилетие довольно активно анализировали в прозе М. А. Шолохова национальные духовно-культурные, исторические ценности [см., например: 14–19]. В настоящее время не существует работ, в которых бы комплексно осмысливался феномен русской тоски в произведениях писателя. А между тем обращение к этой стороне творчества Шолохова позволит чётче обозначить ценностные координаты национального образа мира, воплощённые в индивидуально-авторском мировидении художника.

В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» представлены практически все ключевые константы национальной концептосферы. Концепт «тоска» является одним из самых распространённых по употреблению и встречается в тексте произведения более 130 раз. Слово *тоска* функционирует в различных грамматических формах и образует своеобразное аксиологическое и образно-мотивное поле, в котором можно выделить отдельные доминанты.

Тоска и невозможность счастья

Вся чувственно-эмоциональная сфера романа инструментирована концептом «тоска». В первых двух книгах с его помощью преимущественно характеризуются сложные взаимоотношения внутри любовного четырёхугольника, состоящего из Григория, Аксиньи, Степана и Натальи.

¹ Тоска // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1994. С. 810.

² Урысон Е. В. Тоска // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 1165–1170.

³ Бердяев Н. А. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. С. 58.

⁴ Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 295.

⁵ Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.; Л.: Художественная литература, 1962. С. 75.

Первой любовной тоской начинает страдать Аксинья, которая воспринимает свою любовь-страсть к Григорию именно как болезнь (душевную и физическую) и обращается к знахарке с характерными симптомами: «...Тоскую по нём, родная бабунюшка. На своих глазыньках сохну. Не успеваю юбку ушивать – что ни день, то шире становится...»¹

Бабка Дроздиха в словах заговора также называет тоску «лихоманицей» (лихоманкой, лихорадкой), которая в славянской мифологии имеет женский облик, мучает человека, бросая его то в жар, то в озноб, лишая аппетита и сна. В романе показан интересный обряд «отливания тоски» с использованием соли, донской воды, крестного знамения. Однако Аксинья чувствует бесполезность обряда и испытывает внутреннюю неудовлетворённость, смотря на Дроздиху с «тоской и злобой». То, что обряд знахарки оказался бессильным перед «тоской-лихоманицей», показывает новая встреча Григория с Аксиньей, которая чувствует, «как похолодело под руками коромысло и жаром осыпала кровь виски».

Но Аксинья, получившая Григория в полное владение, не перестаёт болеть «тоской-лихоманицей», которая теперь уже соединяется не с ненавистью к Степану, а со страхом потерять любимого. Она боится сказать Григорию о своей беременности, поскольку не знает, кто отец её ребёнка. Тоска в этом случае снова прямо воздействует на тело Аксиньи, она «желтела от подступавшей временами тоски и боязни, чего-то выжидала».

Состояние тоски, смешанное со злобой и ненавистью, испытывает Степан, узнавший об измене жены и любивший её «тяжкой, ненавидящей любовью». Спустя долгое время после расставания с ней после услышанного рассказа о её благополучной жизни в Ягодном у Степана «в опущенных светлых глазах возгорались и тухли злобно-тоскливые огоньки». Тоска Степана разливается в природном пространстве,

смыкается с «текучим стремением Дона», «огнистой извилистой стёжкой месяца», «дремотными тополями»: «Тоска тихо и властно обняла Степана». Его глаза снова вспыхивают «тоской и ненавистью», когда он видит Григория в гостях у Аксиньи.

После женитьбы Григория на Наталье Коршуновой в душе Аксиньи «плелась ненависть с великой любовью». Мелехов после встречи с ней чувствовал «сосущую тоску»: «Без причины злобствовал, срывал зло на Дуняшке, на матери...» «Злобную тоску» Григорий испытывает, когда ждал Аксинью, не зная, согласится ли она уйти вместе с ним из дома, а когда вспоминал об Аксинье и Степане, тоскливо вздыхал.

Во всех этих ситуациях тоска-злоба отражает состояние тревожных предчувствий, беспомощности перед надвигающимися событиями, внутреннего протеста против нравственных антиномий в жизни героев.

В день своей свадьбы Григорий вместо радости испытывает невероятное давление со стороны общества, которое заставило его жениться на нелюбимой женщине: «Поёжился, с задавленной тоской оглядел чавкающих, хлюпающих, жрущих людей». Здесь тоска соседствует с далевским «стеснением духа» и физическим ощущением в теле тесноты, боли и несвободы: ворот рубахи «душил горло», «пшено терло ногу».

Тоска после свадьбы навсегда поселилась и в сердце Натальи, она перехватывала страстные взгляды мужа в сторону Аксиньи «своим тоскующим, ревнивым взглядом», чувствовала тоскливое состояние мужа, который был не в силах больше выносить это душевное томление, признался ей в нелюбви и ушёл к сопернице. «Тоскующим вскриком» она провожает от ворот не только Григория, но и своё «заплёванное счастье», которое оказалось недостижимым.

Тоска в романе становится постоянной характеристикой Натальи, её чистой, хотя и безответной любви. Шолохов приводит описание этого тяжёлого состояния, в котором несчастная жена Григория совершала свои поступки: «...Исходила ночами в жгучей тоске, крушилась, растоптанная

¹ Здесь и далее текст цит. по: Шолохов М. А. Тихий Дон [Электронный ресурс]. URL: https://roslit.com/book/Tihij_Don_Sholohov_10.02.2025).

нежданной, незаслуженной обидой». Тоска героини соединяется ещё и со страхом потерять свою честь. Митька пытается «разогнать её тоску», но получает жесткий отворот. Черты лица свёкра, напоминающие Григория, заставляют в её душе с новой силой почувствовать тоску по невозвратно утраченному.

Наталья испытывает глубокое одиночество, пытаясь скрывать от людей, как «борет её тоска по мужу», но получает лишь осуждение и позор. Тоска выступает здесь как неотвратимая сила, самостоятельное живое существо, которое лишает человека способности сопротивляться и бороться за свою жизнь. Именно тоска толкает Наталью на самоубийство, она «ощупью, без мысли, без чувства, в чёрной тоске, когтившей её заплотненную позором и отчаянием душу, добралась до угла». Чудом выжив, она не смогла избавиться от когтей тоски: «...Не было в семье человека, кто бы с такой тоской и болью ожидал от него (Григория. – Н. Ж.) письма».

В главе 19 первой книги тоска Натальи по Григорию достигает своего апогея. Она приходит к своей сопернице Аксинье, которая тоже мается тоской по Мелехову, чтобы предъявить на него свои права. Тоска этих женщин полностью фокусируется на одном человеке, только векторы у неё разные. Аксинья боится снова потерять любимого теперь уже на войне и томится в «смертной тоске», которая является своеобразным средством духовной связи с любимым: «...Он сердцем должен почуять, как тоскую об нём». Наталья продолжает тешить себя надеждой на его возвращение. Причём тоска является первопричиной её поступков, в том числе унижительной просьбы к Аксинье вернуть мужа: «Тоска меня пихнула». А в итоге этой встречи Наталья чувствует себя «раздавленной неизъяснимой тоской».

Встреча двух женщин, страдающих тоской-болезнью по любимому, является своеобразной кульминацией любовной линии романа. Несмотря на то, что Наталья всё же дождалась Григория, родила от него двух детей, она продолжает то-

миться в тоске, ожидая его с фронтов уже гражданской войны.

При возвращении с фронта Григорий видит измену Аксиньи и испытывает «необъятную тоску», которая обладает чрезвычайной силой и снова разлучает его с любимой женщиной. Когда речь идёт о его сопернике Листницком, в Григории вспыхивают чувства давней обиды, начинается кровоточить старая душевная рана, Мелехов мечтает о мести за свою поруганную жизнь: «За давнее сладко отомстил бы Григорий – за то, что по вине проклятого человека выцвела жизнь и осталось на месте прежней полнокровной большой радости сосущая голодная тоска, линиялая выцветень». В незнакомой женщине он готов, «затосковав глазами», увидеть похожие черты Аксиньи. «Ужаленный тоской, покорённый нахлынувшими воспоминаниями» – таким предстает Григорий, когда он снова видит Аксинью дома на берегу Дона.

Заканчивается любовная история Григория и Аксиньи её признанием в том, что любовь и тоска навсегда привязали её сердце к любимому: «Это любовь да тоска по тебе, Гриша, так меня скрутили... Только детишек жалко, а об себе я и “ох” не скажу. Везде пойду за тобой, хоть на смерть!»

В любовной линии романа в мотивном поле концепта «тоска» переплетаются мотивы болезни, злобы, слёз (плача), тревоги, обиды, душевной боли, которую герои стараются подавить физически.

Тоска природы и казачьей песни

Чувство тоски у Григория резонирует с состоянием природы, которую Шолохов всегда наделяет особой духовной чуткостью. В день женитьбы Мелехова на любимой Наталье само природное пространство как бы наполняется тоской: «Предосенняя, тоскливая, синяя дрёма, сливаясь с сумерками, обволакивала хутор». Именно осень в данном случае подчёркивает внутреннюю тоску главного героя по счастливому молодому прошлому с Аксиньей, по несбывшемуся счастью и любовным мечтам.

В другом эпизоде романа тоска поздней осени отражает подведение итогов, уход Григория от нелюбимой Натальи символизирует избавление от старой жизни и указывает на новый путь: «Тоскливо, мертвенно пахли отжившие травы». В момент, когда Григорий приходит в себя после тяжёлого ранения, его окутывает осенняя ночь: «Над ним на дереве стеклянным звоном тоскливо шелестели опалённые ранним заморозком листья». Находясь на грани жизни и смерти, Мелехов чувствует острую физическую боль, тошноту, подавляющий ужас, но всё же находит в себе силы встать и идти к своим.

Важно заметить, что в финале романа именно осенью у Григория «с новой и неожиданной силой» просыпается «тоска по детям, по родному хутору». В это время, подводя итоги своей прежней жизни, он принимает решение об окончательном возвращении домой.

Таким образом, мотив осени маркирует в романе пограничные, переходные состояния героев, когда они находятся во власти тоски.

Испытывать чувство тоски в романе может не только человек. Земля в романе выступает самостоятельным субъектом повествования. Она обладает собственными чувственными настроениями и способна, как человек, тосковать по давно желаемому: «Земля, напитанная всё той же горечью всесильной полыни, тосковала о прохладе».

Интересно заметить, что в романе чаще всего именно дорога – степной шлях – наделяется свойством тоски, символизируя невозможность отказаться от обыденного и повседневного, свернуть с устоявшегося уклада жизни: «...Люди, прикованные к жилью, к будням своим, изнывали в работе, рвали на молотье силы, и дорога – безлюдный тоскующий след – текла, перерезая горизонт, в невидь».

Через пейзаж «тоскливого снежного поля», на котором разбросаны «трупы порезанных пулемётным огнём матросов», Григорий постепенно начинает осознавать весь ужас происходящего национального кровопролития. «Тоска по человеческой крови» приписывается Шолоховым так-

же предметам из мира неживой природы. «Нудную нутрянную боль» Мелехова после знакового боя под Лешнювом, когда он впервые убивает человека, сопровождает описание противоестественного состояния природы во время войны: «...Хмурое лицо земли оспой взрыли снаряды: ржавели в ней, тоскуя по человеческой крови, осколки чугуна и стали».

Мелехов на охоте с хозяином замечает «чёрную старую суку», которая «тоскующим старушечьим взглядом ловила взгляд оглядывавшегося Григория». В этом эпизоде присутствует мотив утраченной молодости, здоровья и сил, невозможность более успевать за темпом жизни.

В «Тихом Доне» особенно часто «тоскуют» птицы. Их естественные реакции служат метафорическими проекциями на судьбу человека. Так, Шолохов описывает журавля с перебитым крылом, который, живя в Ягодном сытой жизнью, тем не менее, рвётся от земли к своим сородичам: «...И в ноябре дергал тот струны человеческих сердец медноголосым тоскующим криком, слышав невнятный призыв вольных в отлёте журавлей».

Птицы в романе часто служат предвестниками трагических событий в мире людей. Тоскливая перекличка куликов заставляет Григория всегда с тревогой думать о будущем.

Важно отметить, что тоска в «Тихом Доне» символизирует неизбежные потери во время войны, она соединяется со страхом ожидания смерти близких. Символом такой коллективной тоски людей в романе становится птица – сова-сыч, которая летает над кладбищем и своим криком «вгоняет тоску». Важно заметить, что в традиционной народной культуре, сыч является предвестником несчастий и смерти. Мартин Шумилин намеренно охотится на него, словно пытаясь защитить хутор и свою многодетную семью от неизбежных последствий войны.

Но «пророчества» сыча неотвратимо сбываются, «глухая прижившаяся тоска» по погибшим близким настигает людей. Ещё тяжелее она воспринимается на фоне

радости тех, чьи родные вернулись живыми: «Сколько ни будет из опухших и выцветших глаз ручиться слёз, – не замыть тоски!» Тоска становится как бы самостоятельным членом семьи, от которой невозможно избавиться, поскольку нельзя изменить настоящее и будущее. Тоска по погибшему брату Петру настигает и Григория Мелехова.

Символом такой неизбывной коллективной народной тоски по умершим близким становится одинокая часовня в степи, которая осталась «горюнить глаза прохожих и проезжих извечно унылым видом, будить в сердцах невятную тоску».

Необходимо заметить, что Шолохов только в одном эпизоде романа показывает обратимость тоски по умершему близкому, обращает внимание на то, что она может носить временный характер. Быстро оправилась после смерти Петра Дарья и тоска её «ушла вместе со стаявшим снегом».

Тоска и смех всего один раз соседствуют в романе, когда Дарья пытается рассмешить Наталью, которая считает, что веселье не к добру: «Вас ежли не расчудить, так вы тут от тоски заплеснеете!» И Наталья в конце концов оказывается права в своих предчувствиях. Под «тоскливые крики чаек» Дарья рассказала ей о своей «дурной болезни».

Тоска в романе находит яркое воплощение в старинных казачьих песнях. Они, как и донская природа, отражают внутренне эмоциональное состояние героев. После внешнего примирения Аксиньи и Степана их тоска-ненависть вылилась в песни, которые они «играли» по вечерам: «Степан, покачиваясь на возу, тянет старинную песню, тягуче-тоскливую, как одичавший в безлюдье, заросший подорожником степной шлях». Здесь тоска вписана в бескрайние степные просторы, связана с образами заросшей дороги и маркирует глобальное одиночество героев, которые оказались в жизненном тупике несбывшегося личного счастья.

В песне выражается тоска казаков на войне, которых томят тревожные предчувствия, неизбежность потерь и смерти. «Тоскуют басы», рассказывая о том, как

«Казак, умирая, просил и молил / Насыпать курган ему большой в головах». Евгений Листницкий, находясь на войне, часто слышал от казаков «одну песню, тоскливую, несказанно грустную»: «Ой, да разродимая моя сторонка, / Не увижу больше я тебя». Казачьи песни позволяли выразить скрытые чувства и стремления казаков, а также отражали не только их тоску по прошлому, мирной жизни, но их настроения в настоящем.

Грустная казачья песня становится предвестником судьбы Аксиньи, финала её жизни, когда неизвестность поманила «призрачным счастьем»: «Тега-тега, гуси серые, домой, / Не пора ли вам наплаваться? / Не пора ли вам наплаваться, / Мне, бабёночке, наплакаться...» «Ворохнувшуюся под сердцем тоску» Аксинья не может заглушить даже физической работой. Важно заметить, что мотивы слёз, плача постоянно сопровождают в романе образ тоскующей Аксиньи, маркируют все вехи её несчастной жизни.

Тоска по родине и материнская тоска

Впервые мотив тоски по родине звучит в «тоскующих одичалых глазах» турчанки – бабки Григория Мелехова. В некоторой степени это его наследственная черта характера, поскольку в романе почти всегда мысли о доме и близких принадлежат Григорию. Они часто связаны с тоской по физическому труду на родной земле. Впервые Мелехов почувствовал, «как исходит весь каменной горячей тоской» по «покинутой далёкой Донщине», находясь вдали от неё уже на войне. В такие минуты ему хотелось заседлать Гнедого и гнать его, не останавливаясь, до самого дома. «Чужое» пространство и трагедия войны обостряют его желание вернуться на родину.

Тоска Мелеховым часто воспринимается сквозь призму оппозиции «своё – чужое», её катализатором становится запах полыни: «Не раз он в Польше, на Украине и в Крыму растирал в ладонях сизую метёлку полыни, нюхал и с тоской думал: «Нет, не то, чужое...»

После встречи на войне с Петром Григорий констатирует у себя наличие вшивой болезни, которая вызвала тоску по дому. Теперь он мечтает обрести крылья, чтобы слетать на родину: «Вша меня заела. С тоски. Я бы дома теперь побывал: так и полетел бы, кабы крылья были». Находясь в Москве на лечении после ранения, Мелехов слышал, как «на окраинах трубили паровозы»: «Может, какой в Донщину сейчас пойдёт?» – подумал Григорий и поник под частыми уколами тоски».

Интересно, что сравнение тоски со вшивой болезнью встречается в романе неоднократно. «Завшивевший» Пантелей Прокофьевич исхудал «от тоски по хозяйству», когда находился в казачьей сотне. От страшных потерь казаков на войне «даже вша ... появилась от тоски» у вестового Мелехова – Прохора Зыкова.

Григорий тоскует по дому и детям, находясь и на гражданской войне, которая воспринимается им как некое замкнутое и бесконечное во времени пространство. Будучи в бегах, он ощущает себя невольным заключённым, настоящим узником: «Всё это было похоже на тюрьму. Григорий изнывал от тоски, от гнетущего безделья. Его неудержимо тянуло домой – к детям, к Аксинье».

Бывший прежде родным хутор, Донщина в силу политических в них изменений стали на определённом этапе жизни Григория чужими, он ощущал себя здесь как за границей: «Одинаково угрюмыми и ненавидящими взглядами встречали его тогда – немцы, теперь – казаки Верхнего Дона». Григорий «тоскливо огляделся по сторонам», чувствуя себя в бескрайней степи, как в ловушке. В сознании Мелехова произошёл и временной разрыв, ему казалось, что родной хутор остался далеко в прошлом: «Охваченный внезапным приступом горячей тоски, он лёг под плетень ничком, закрыл лицо ладонями...» Чтобы преодолеть глобальные противоречия в своём образе мира, Григорий принимает решение бежать из банды Фомина.

И только всего один раз тоска по Ягодному, отцу и Аксинье нападает на

Листницкого: «Его душила внезапно задымившаяся на сердце тоска». Здесь нахлынувшие на Евгения воспоминания показывают его яростное стремление вернуть былую Россию.

Особое место в романе занимает мотив материнской тоски. Впервые Шолохов его касается в описании сцены, когда семья Григория получает известие о его гибели. Пантелей Прокофьевич всерьёз опасается за душевное и физическое состояние Ильиничны, которая в одиночестве «томилась в неумолчной тоске». Здесь материнскую тоску порождает смерть родного человека, который становится объектом недостижимого стремления. Уже в финале романа Шолохов снова возвращается к материнской тоске Ильиничны по живому, но далёкому Григорию: «...С новой силой затосковала по сыну и скрыть этого не смогла». Так получилось, что именно в нём заключается итог её «короткой и бедной» жизни. Её глазами ретроспективно показано детство Григория, начало его жизни. С мыслями о своей «кровинушке» Ильинична покидает этот мир, связывая только с младшим сыном будущее своей семьи.

Аксинья, теряя своего единственного ребёнка, на предсмертном одре ловит его «тоскующий, примиренный» взгляд, который символизирует неизбежность ухода из этого мира. «Невыплаканная тоска», как живое существо, жестоко терзает несчастную мать, соединяясь с мотивом одиночества.

Аксинья глубоко страдает от своего несбывшегося материнства, когда дети Григория засыпают у неё на руках, она «вдруг ощутила на сердце такую безжалостную, режущую тоску, что горло её перехватила спазма». Поэтому именно Аксинья, «охваченная неизъяснимым чувством тоски», остро чувствует жалость и сострадание к Ильиничне.

Во имя спасения своего ребёнка от неминуемой смерти мать Мишки Кошевого требовала, чтобы он немедленно бежал, плакала, «но голос её, налитый тоской, был твёрд». Предчувствуя разлуку навсегда с привычным миром прошлого, сам

Мишка «затосковал глазами», вспомнив своё счастливое детство.

Описывая ужасы гражданской войны, посредством образа тоски Шолохов типизирует материнские страдания: «Горючей тоской оденется материнское сердце, слезами изойдут тусклые глаза, и каждодневно, всегда, до смерти будет вспоминать того, которого некогда носила в утробе, родила в крови и бабьих муках, который пал от вражьей руки где-то в безвестной Доншине...»

Тоска и мир идей

Книжно-философское представление о тоске также присутствует в романе. Его носителем является дворянин Евгений Листницкий. Он является жертвой несчастной любви – его бросила Елизавета Мохова, чей образ он поэтизирует в своём воображении. Записной книжке он доверяет свои любовные переживания, а также соотносит их с начавшейся первой мировой войной: «Меня сжирает тоска по... “утерянном рае”. Вчера очень скромно видел во сне Елизавету. Она оставила тоскующий след».

Евгений чувствует физическую неразрывную связь со своей тоской, которую он сосёт, «как ребёнок соску». И только в походе на войну, где поджидают смертельные опасности, Листницкий видит возможность избавления от пресыщенности. В этом случае тоска служит средством вознесения героя над миром обыденности, вырывает его из мира привычных забот.

Новое увлечение Евгения Ольгой Николаевной привело его снова к мальчишески-мучительным и одновременно приятным воспоминаниям, которые его выдернули теперь уже из пучины войны: «...И вот потянулись дни, сладостные и тоскливые». Снова «книжная» любовь, наполненная строками Бунина и Блока («чужой певучей болью»), будоражила жизнь Листницкого.

Настоящими жертвами книжных идей становятся казаки-революционеры, чьи образы появляются в конце второй кни-

ги. Они тоже подвержены действию тоски, чаще всего она вызвана тем, что их личная жизнь, нравственные принципы приносятся в жертву революционной необходимости.

Так, мотив тоски красной нитью проходит через образ молодого казака Ильи Бунчука, которого назначают главой Революционного трибунала. Ежедневные расстрелы врагов революции привели к тому, что за неделю «он высох и почернел»: Провалами зияли глаза, нервно мигающие веки не прикрывали их тоскующего блеска». Лишение жизни других приводит Бунчука к душевной болезни – тоске, которая заметна окружающим, но которую внешне отрицает сам герой. Однако на определённом этапе прежде жёсткий и волевой Бунчук понимает, что тоска его победила и что временное спасение от неё, как и другие герои романа, он находит только в физическом движении: «Ему было решительно всё равно – вперёд идти или назад, лишь бы двигаться, лишь бы уходить от следовавшей за ним по пятам тоски». У измученного физически и морально Бунчука даже страх смерти не вызывает «сосущую тоску при мысли о том, что у него отнимут жизнь».

Однако другим приговорённым к расстрелу, безымянным соратникам Бунчука, было по-настоящему трудно расстаться с жизнью: «...У двух или трёх было столько глухой тоски в глазах, такой беспредельный ужас в искажённых лицах, что даже конвойные отводили от них глаза и отворачивались, повстречавшись случайным взглядом». Такая тоска здесь связана с отсутствием надежды на спасение. Подобную тоску испытывает и коммунист, командир карательного отряда Лихачёв, который измучен ранением и пленом: «Белозубый рот его был оскален мучительно, как в агонии, в глазах светилась такая мёртвая тоска, что у Григория сон будто рукой сняло». Физические страдания здесь вызывают желание скорейшей смерти, а тоска символизирует невозможность избавления.

Тоска и будущее

Начиная с третьей книги тоска, которую испытывает главный герой, всё чаще появляется в связи с его мыслями о будущем. Разговор Григория с братом Петром о том, что он не нашёл себя в гражданском противостоянии, не выбрал «свою борозду», привёл к тому, что «густая тоска полонила Григория». Колебания заставляют его тревожиться о происходящем, «затравленно, с тоской» додумывать возможные варианты развития событий. В результате Мелехов «захворал тоской»: «Сердце пришло в смятению». Он едет «лечиться» в родную станицу и оставляет вверенное ему казачье войско. Григория охватывает «неосознанная тоска», когда он видит сдачу в плен казаков и предчувствует близкий конец казачьего сопротивления.

Несмотря на то, что Мелехов много раз уезжал из дома на войну, никогда он «не покидал хутора с таким тяжёлым сердцем, как в это ласковое утро. Томимый неясными предчувствиями, гнетущей тревогой и тоской, ехал он, кинув на луку поводья, не глядя назад...» Оглянувшись, в руках у Натальи он видит пророческую траурную косынку. Пришедшие в Татарский красные добавляют Григорию тревожных мыслей о будущем своей семьи, о возможных репрессиях: «...Постоянно с тоскливой тревогой спрашивал себя: «Неужто будут за меня терзать маманю или Дуняшку?»

Григорий, скрываясь от новых властей, вынужден, думая о будущем, сделать судьбоносный выбор: «...Или дальше скитаться по хуторам, вести голодную, бездомную жизнь и погибнуть от глухой тоски, пока хозяин не выдаст властям, или самому явиться с повинной в политбюро, или идти с Фоминым». Но нахождение в банде Фомина только усилило тоску Григория: «На миг в нём жарко вспыхивала и жгла сердце тоска, когда он вспоминал о родных». Причём эта тоска уже начала принимать формы физической болезни: последствия ранения, перенесённого тифа, ужасы войны привели к нестерпимо острой, режущей боли в сердце.

Григорий обострённо чувствует своё глубокое нравственное падение, осознание своей ничтожности, когда становится свидетелем сцены издевательств членов банды Фомина над юродивым: «Григорий содрогнулся, поспешно отошёл. “И вот с такими людьми связал я свою судьбу...” – подумал он, охваченный тоской, горечью и злобой на самого себя, на всю эту постылую жизнь...»

Тоска вольнолюбивого Григория сужает его жизненное пространство до крохотной землянки в лесу. Покоритель обширных степных пространств Мелехов, как затравленный волк, оказался в противоестественных для себя условиях: «Он старался ни о чём не думать и не давать дороги к сердцу ядовитой тоске. Днём это ему удавалось, но длинными зимними ночами тоска воспоминаний одолевала его». Одиночество, невозможность труда на родной земле, нравственный конфликт, утрата любимой, близких и соратников – все эти причины являются двигателями тоски, отравляющей душу и тело главного героя.

Неизвестность будущего наполняла тоской жизни старшего поколения. Пантелей Прокофьевич, «насквозь отравленный тревогой и тоской», во всей полноте ощущал, что он уже не правил жизнью, «а безвольно мотался на её колышущейся хребтине и делал жалкие усилия не упасть». К сильному рачительному хозяину Мирону Григорьевичу Коршунову тоже «всё чаще навевалась тоска»: «Не к чему наживать. Пропадёт!»

«Тосковали глаза» и у коммуниста Ивана Алексеевича, когда он на казачьем майдане видел «каменные лица, чужие недоверчивые глаза», предчувствовал народный раскол, большие трудности с продвижением в массы большевистских идей. Эти же «окаменевшие в злобе лица казаков» «с тоскою и ненавистью» он видит, когда попадает в плен, осознаёт тщетность своих усилий, неотвратимость смерти.

Пленный босой музыкант-красноармеец «с тоской глянул на товарищей» и, взяв на себя ответственность за возможные страшные последствия своего поступка, рискнул

отказать есаулу в исполнении дореволюционного русского гимна. А «гнусавые тоскующие звуки» всё-таки заигравшего фagота не только не поднимают боевой дух белым, но заставляют их пессимистично смотреть в собственное будущее.

Заключение

Таким образом, концепт «тоска» в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон» существует как неотъемлемая часть русского национального сознания и преимущественно отражает народные представления об этой эмоции. Константа проявляет себя на образно-сюжетном, структурно-поэтическом, философско-аксиологическом уровнях произведения, отражая при этом авторские целеустановки, дополнительные смыслы и интерпретации, воплощённые в конкретных художественных средствах. Одним из таких средств является мотив, который на содержательно-структурном уровне отражает тоску по субъективному жизненному идеалу, по несбывшемуся, невозможному, невозвратно утраченному, тоску по родине, живым и умершим близким людям, тоску по «потерянному раю» и справедливому мироустройству.

Мотив тоски по несбыточному счастью является основой любовной линии ро-

мана, сопровождает главных героев произведения на протяжении всей жизни. Носителями постоянной тоски-болезни являются преимущественно женские персонажи и Григорий Мелехов, у которого чувство тоски своеобразно эволюционирует на протяжении романа. Мелехову присущи проявления не только любовной тоски, но и тоски по родине, по физическому труду на родной земле, переживания о будущем.

Во многих случаях тоска в романе носит персонифицированный характер, является двигателем сложного комплекса действий как человека, так и живой и неживой природы. Тоска подчёркивает её одухотворенность, обнажает подлинное физическое и духовно-психологическое состояние человека. Казачьи песни становятся носителем ценностного комплекса тоски в романе, её пророческих функций. Красной нитью в произведении проходит мысль о неизлечимости и неотвратимости тоски. Она реализуется преимущественно в замкнутых пространствах и на ограниченных временных промежутках, часто сопровождает конец чему-либо и смерть.

В то же время тоска в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» связана с будущим и желанием героев построить его на новых справедливых основаниях в рамках ценностных установок русского образа мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесникова Ю. Д. Репрезентация концепта «любовь» в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник научно-практической лаборатории по изучению литературного процесса XX века: сборник статей. Вып. XXI. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2018. С. 111–118.
2. Крыжановская В. А., Ростова А. В. Репрезентация концепта «время» в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Казанская наука. 2020. № 12. С. 73–75.
3. Колабинова Т. И. Репрезентация концепта *родина* в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» и в русской концептосфере // Филология и культура. 2011. № 2 (24). С. 180–183.
4. Гунько Л. О. Репрезентация концепта «дом» в романе-эпопее М. Шолохова «Тихий Дон» // Актуальные проблемы языкознания. 2015. Т. 1. С. 26–27.
5. Васильев С. А. Слово «судьба» в произведениях М. А. Шолохова: языковой контекст и круг художественных ассоциаций // Мир Шолохова. 2021. № 2 (16). С. 89–97.
6. Чапаева Л. Г. Художественно значимые религиозные концепты в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. Т. 28. № 3. С. 52–61. DOI: 10.18522/1995-0640-2024-3-52-61.
7. Желтова Н. Ю. Характер Григория Мелехова в парадигматике национальной аксиологии воли и свободы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2 (38). С. 20–22.

8. Маленкова В. А. Концепт «удаль» в «Донских рассказах» М. А. Шолохова // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 1150-летию преставления святого равноапостольного Кирилла, 210-летию Н. В. Гоголя, 135-летию Е. И. Замятина (Тамбов, 23–25 мая 2019 г.) / под науч. ред. Н. Ю. Желтовой. Тамбов: Принт-Сервис, 2019. С. 259–264.
9. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
10. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 494 с
11. Чеснокова Л. В. Тоска как национальный концепт русской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9–1 (23). С. 195–200.
12. Воробьёва И. А. Психологические модели переживания тоски // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17. № 4. С. 61–67. DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-61-67.
13. Воробьёва И. А. Экзистенциальный смысл концепта «тоска» в русской языковой картине мира // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. 19. № 4. С. 158–166. DOI: 10.17223/19986645/75/5.
14. Гречушкина Н. В., Голодникова Ю. А. Эпическое мастерство М. А. Шолохова в историческом дискурсе // Казанская наука. 2023. № 12. С. 141–144.
15. Дырдин А. А. Михаил Шолохов и духовно-культурные традиции русского народа // Мир Шолохова. 2016. № 1 (5). С. 41–54.
16. Комаров А. П. Ценностные координаты мировоззрения казачества в творчестве М. А. Шолохова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 1 (59). С. 145–151. DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.145.
17. Лаврентьева Н. В., Чумакова А. А. Духовно-нравственные аспекты творчества М. А. Шолохова // Русская филология и национальная культура. 2023. № 2 (7). С. 14–24. DOI: 10.37724/y2824-2331-8209-h.
18. Сатарова Л. Г. «Православный Тихий Дон» в творчестве М. А. Шолохова и его предшественников. М.: ИНФРА-М, 2022. 270 с.
19. Творческое наследие М. А. Шолохова в начале XXI века / под ред. Ю. А. Дворяшина. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2022. 544 с.

REFERENCES

1. Kolesnikova, Yu. D. (2018). Representation of the concept of “love” in the novel by M. A. Sholokhov “Quiet Flows the Don.” In: *Bulletin of the scientific and practical laboratory for the study of the literary process of the twentieth century: collection of articles. Issue XXI*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University Publ. pp. 111–118 (in Russ).
2. Kryzhanovskaya, V. A. & Rostova, A. V. (2020). Representation of the concept of “time” in the epic novel by M. A. Sholokhov “Quiet Flows the Don.” In: *Kazan Science*, 12, 73–75 (in Russ).
3. Kolabinova, T. I. (2011). Representation of the concept of homeland in the novel by M. A. Sholokhov “Quiet Flows the Don” and in the Russian conceptual sphere. In: *Philology and Culture*, 2 (24), 180–183 (in Russ).
4. Gunko, L. O. (2015). Representation of the concept “home” in M. Sholokhov’s epic novel “Quiet Flows the Don.” In: *Actual Problems of Linguistics*, 1, 26–27 (in Russ).
5. Vasiliev, S. A. (2021). The word “fate” in the works of M. A. Sholokhov: linguistic context and range of artistic associations. In: *The World of Sholokhov*, 2 (16), 89–97 (in Russ).
6. Chapaeva, L. G. (2024). Artistically significant religious concepts in M. A. Sholokhov’s novel “Quiet Flows the Don.” In: *Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences*, 28, 3, 52–61. DOI: 10.18522/1995-0640-2024-3-52-61 (in Russ).
7. Zheltova, N. Yu. (2005). The character of Grigory Melekhov in the paradigmatics of the national axiology of will and freedom. In: *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 2 (38), 20–22 (in Russ).
8. Malenkova, V. A. (2019). The concept of “prowess” in “Don Tales” by M. A. Sholokhov. In: *Slavic world: spiritual traditions and literature: collection of materials of the International scientific conference dedicated to the 1150th anniversary of the death of St. Cyril, Equal-to-the-Apostles, the 210th anniversary of N. V. Gogol, the 135th anniversary of E. I. Zamyatin (Tambov, May 23–25, 2019)*. Tambov: Print-Service Publ., pp. 259–264 (in Russ).

9. Vezhbetskaya, A. (1999). *Semantic universals and description of languages*. Moscow: Languages of Russian Culture Publ. (in Russ).
10. Krasavsky, N. A. (2001). *Emotional Concepts in German and Russian Linguistic Cultures*. Volgograd: Peremena Publ. (in Russ).
11. Chesnokova, L. V. (2012). Longing as a National Concept of Russian Culture. In: *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues*, 9–1 (23), 195–200 (in Russ).
12. Vorobyova, I. A. (2020). Psychological Models of Experiencing Longing. In: *Social and Humanitarian Sciences in the Far East*, 17 (4), 61–67. DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-61-67 (in Russ).
13. Vorobyova, I. A. (2022). Existential meaning of the concept “longing” in the Russian linguistic picture of the world. In: *Social and humanitarian sciences in the Far East*, 19 (4), 158–166. DOI: 10.17223/19986645/75/5 (in Russ).
14. Grechushkina, N. V. & Golodnikova, Yu. A. (2023). Epic mastery of M. A. Sholokhov in historical discourse. In: *Kazan science*, 12, 141–144 (in Russ).
15. Dyrdin, A. A. (2016). Mikhail Sholokhov and the spiritual and cultural traditions of the Russian people. In: *The World of Sholokhov*, 1 (5), 41–54 (in Russ).
16. Komarov, A. P. (2022). Value coordinates of the Cossack worldview in the works of M. A. Sholokhov. In: *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*, 1 (59), 145–151. DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.145 (in Russ).
17. Lavrenteva, N. V. & Chumakova, A. A. (2023). Spiritual and moral aspects of the works of M. A. Sholokhov. In: *Russian Philology and National Culture*, 2 (7), 14–24. DOI: 10.37724/y2824-2331-8209-h (in Russ).
18. Satarova, L. G. (2022). “*The Orthodox Quiet Don*” in the works of M. A. Sholokhov and his predecessors. Moscow: INFRA-M Publ. (in Russ).
19. Dvoryashin, Yu. A. (2022). *The creative legacy of M. A. Sholokhov at the beginning of the XXI century*. Moscow: IMLI A. M. Gorky RAS Publ. (in Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Желтова Наталья Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина; ORCID: 0000-0002-1592-5511; e-mail: nata_zheltova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia Yu. Zheltova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Department, Department of Russian and Foreign Literature, Derzhavin Tambov State University; ORCID: 0000-0002-1592-5511; e-mail: nata_zheltova@mail.ru